

ВОЛЧИЦА

Со своей одинокой судьбою
Ты блуждаешь во мраке лесов,
То ты воешь одна под луною,
То бежишь от охотничьих псов.

Словно дьявол, в ночи пролетая,
Надругалась судьба над тобой:
Прогнала тебя дикая стая,
Отвернулся и волк молодой.

Отгорели привычные страсти...
И тебя согревают в пути
Только пар, выходящий из пасти,
Да усталое сердце в груди.

Одиночество – злейшая вьюга,
Больно жалит она, как змея,

Но одна у тебя есть подруга –
Одичалая тень – это я!

Вместе мчатся по серой метели
Нам с тобой сквозь холодную мглу,
Дни и ночи, часы и недели
Вместе выть нам с тобой на луну.

Как и ты, я давно одинока,
Как и ты, никого не ищу.
Осторожна, безумна, жестока.
Только вою, бегу и рычу.

Отгорели привычные страсти...
И меня согревают в пути
Только пар, выходящий из пасти,
Да усталое сердце в груди.

Ни добычи, ни стаи отныне.
Где-то смерть нас несчастная ждёт.
Пусть уж лучше на скользком обрыве
Нас с тобою охотник убьёт.

ДИАЛОГИ

Я чёрным цветом обозначу
Одно число в календаре,
И вновь, безумная, заплачу,
Как серым утром в декабре.

Я не забыла, не забыла,
Что снова мрак боготворю.
Печальный дом спросил уныло:
«Поговоришь?» – «Поговорю».

«Ты любишь ночь?» – спросили стены.
«Немало лет, – сказала я. –
Но всё же жду я перемены
И жажду света и огня».

И вдруг, зажглась свеча искусства...
Не то пишу, не то пою.
Опять терзают те же чувства:
«Поговоришь?» – «Поговорю».

«Сердитой тьмой, порой ночью
Ты ждёшь любви?» – спросила страсть.
Шепчу я: «Да, но надо мною
Висит, как хлыст, разлуки власть.

Уйду отсюда, сброшу горе
И в шумном море утоплю».
Пришла. Меня спросило море:
«Поговоришь?» – «Поговорю».

«Ты пьёшь печаль, как кубок с ядом?» –
Пролетела вдруг вода.
Меня луна ласкала взглядом,
И я ответила: «Всегда».

Топила горе. Мало прока.
Мне снова плакать и кричать.
И вот, зовёт меня дорога:
«Поговоришь?» – «Хочу молчать».

Иду, молчу и вспоминаю
Вишнёвый галстук, чёрный фрак.
Куда иду, сама не знаю,
А впереди глубокий мрак.

Моя дорога бесполезна,
Давно погас надежды свет.
«Ты хочешь жить?» – спросила бездна,
И я кричу досадно: «Нет!»

НА ЧЁРНОМ КОНЕ

Ты неси меня, верный мой конь черноногий,
По разбитому небу, где стихла гроза,
В серебристом седле по широкой дороге,
Чтобы звёздная пыль нам летела в глаза.

Я покоя стихии ничем не нарушу,
Чтоб понять, наконец, что такое – летать,
Подарить облакам чёрно-белую душу,
Ни о чём не жалеть, ни о чём не мечтать.

Покорив высоту, пролетев километры,
Мы узнаем с тобою, как греет луна,

Как приятно ласкают могучие ветры,
Как в единстве прекрасны смычок и струна.

Пусть увидят меня те, кто рядом летают,
Пусть пространство течёт, как речная вода,
Может, здесь и полюбят, и душу познают,
Ну, а там, на Земле, не поймут никогда.

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Пред глазами вьюга проносилась,
В серых далях медлила заря.
Было это, или только снилась
Ель седая в стуже января?

Звуки были вкрадчивы и редки,
Тишина, казалось, длится век.
Мягкие узорчатые ветки
На ветру раскачивали снег.

На морозе я одна стояла.
Люди шли, смотрели на часы.
Ель ветвями тяжкими качала.
Ветки-лапы. Белые весы.

Как одна, недели пролетали.
Так одна стояла и стою.
Серые безжизненные дали
Туго опоясали зарю.

Ничего не помню, только смутно
Пред глазами кружится метель.
Серое злопамятное утро,
Белым запорошенная ель.

ПРО ИВАНА

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад...
Ю.П. Кузнецов*

Узелок поставил он к порогу,
Глянул вдаль – повсюду гладь и тишь.
«Матушка, меня ты на дорогу

По какой цене благословишь?»

В долг благословила мать, и в поле
Ринулся Иван – дурак и царь.
Чтоб не заблудился он на воле,
Камень на пути лежит, как встарь.

Он пошёл налево. Где-то сладко
В тот же час запели соловьи.
Может, на дороге ждёт мулатка? –
Ваня так мечтает о любви!

Вот какой-то тихий городишко.
Полночь. Тротуары. Фонари.
«Милая, как звать тебя?» – «Иришка» –
«И по чём ты любишь до зари?»

Утром разыгралось вдруг ненастье.
В пору бы напиться от души.
«Сколько заплатить, бармен, за счастье?» –
И отдал последние гроши.

Площадь отошла от бури лютой,
Ильича отмыл от пыли дождь.
Ванечка спросил: «Какой валютой
Прежде покупал ты титул ВОЖДЬ?»

Памятник дослушал молча фразу,
Странно, но не хмурил важно бровь.
Мог бы говорить, продал бы сразу
За советский рублик марку «КРОВЬ».

Мимо шёл мужик – одет с иголки –
С личиком девчонки (просто смех!).
«Подскажи, в Сибири иль на Волге
Оптом закупаешь ты успех?» –

Но мужик молчал – зачем делиться,
Конкурент страшней, чем в дебрях волк.
Что ж Ивану вновь пойти напиться?
Нет. Во всём он сам узнает толк.

И свернул направо – стал богатым,
Стать красавцем лет до ста.
И пошёл в больничные палаты:

«Сколько, доктор, стоит красота?»

Дальше было тоже всё, как в сказке.
Каждый день свидания и пир.
И царевен всех доступны ласки,
И подвластен весь крещённый мир.

Встретил старика он как-то утром
Там, где в поле снега белизна:
«Сколько стоит мудрость в мире мудром,
Где, старик, таится новизна?»...

Как умрёшь, когда – совсем не важно,
Платишь – отпевают, говорят.
И пошёл к аптекарю отважно:
«Сколько ты берёшь за сильный яд?»

Он летит счастливый, бестелесный,
Смерть ему другой открыла край.
Молвит: «Подскажи, Отец Небесный,
Я – Иван, в какую цену рай?»

ПЕРЕД БАЙКАЛОМ

Мой персонаж взрастил в блокноте месть,
Но лирика слаба для этой роли.
Так хочется и думать, и прочесть,
Что не боюсь ни холода, ни боли.

Сплошной обман, что с чистого листа
Другую быль напишешь виновато.
Настало время возраста Христа,
Но на пути ни друга, ни Пилата.

Есть озеро священное одно,
Где можно по-Цветаевски распасться,
Недолго плыть, но долго видеть дно,
Легко дышать, но нелегко спасться.

Из глубины достигнутых высот
Плевком своё разбавить отраженье.
И только если стоишь бездны вод,
Она возьмет без якоря на шее.

Так хочется порой, чтоб не нашли,

Познать круговорот и выпасть снегом.
Но бездна спит для тех, кто на мели
И от себя спастись пытался бегом.

ИДУ К ВЕТРАМ

Все тот же город лиц, как прежде, постных,
Какой бы здесь ни вился в небе флаг.
А там, в полях, как в детстве в девяностых,
Есть стая неприрученных собак.

Им хорошо, свободным от отчизны,
По-человечьи не умеют выть.
Они спасать не обещали жизни
И никому не обещали жить.

И кровных уз, а, может быть, кровавых
Не знают, и никто их не предаст.
А я хочу по-детски ползать в травах,
Но руки обжигает снежный наст.

Из прошлого ещё глядит сквозь годы
Со старой школьной парты голубой
Заоблачная статуя Свободы,
Начерченная маленькой рукой.

Но растопил её неровный факел
Мечты американской воск свечи.
Я повзрослел. По счастью, я не запил,
Но чахну, как Емеля, на печи.

Лишь по ночам для чувства мнимой воли
Иду к ветрам, чтоб воск сумел застыть.
Что с той мечтой мне делать в русском поле,
Не давшем ни увидеть смерть, ни жить?

Я умирал, как в ту свободу вера.
Не я за жизнь, а жизнь в меня клещом
Вцепилась мертвой хваткой бультерьера,
Но мне не стала дружеским плечом.

Людских голос я слушаю жестокость,
И только в маске выйду на крыльцо,
Скрывая то любовь, то одинокость,

А, может, просто постное лицо.

Придет весна, текут другие воды,
А под луной все тот же будет лай,
Как лёгкий вой непонятой свободы,
И прозвучит команда: «Выбирай».

КУКЛОВОД

Диктатура кровавой и смуглой луны
Кукловодом владеет, как жертвами жало.
Его куклам не снятся спокойные сны,
Небеса изменились от дымки пожара.

Только нити не вечны, все падает ниц,
Улыбается слабость на тонком фарфоре.
Для того он лепил одинаковость лиц,
Чтобы проще собрать, если сбудется горе.

Но пока у огня ещё есть хоровод,
Он с лихвой задает непосильные ритмы.
Чтобы нить прервалась, и ушел кукловод,
Здесь хватило бы даже и маленькой бритвы.

Но безмолвствует мир, как и в дни нулевых,
Куклам в этой игре пистолет не положен.
Защищаться и править – удел волевых.
От живых к неживым путь случился, он ложен.

Под небом опять потоп,
На землю смотрю сквозь воду:
Здесь нет и не будет троп
В обещанную свободу.

Прикрылась дождем луна,
А прежде была полезной.
Одна лишь стезя видна:
Горящий канат над бездной.

Мой древний воскрес каприз:
Идти меж землей и небом,
И если не гляну вниз,
Встречай меня солью-хлебом.

Качают ветра канат,
А пройдено слишком мало.
Глядит исподлюбья ад,
Я знаю его – бывала.

Вглядевшись в его глаза,
Я стану еще капризней.
Не смоет водой гроза
Всей памяти прошлых жизней.

Не надо светил и дня
Тому, кто в ночи крадется.
Как лист, пусть дрожит земля,
И дерево мира гнется.

ПЫЛЬ

Не даст мне сорваться с кармы
На память оставленный волос.
Со мной только близость зимы
И в северном ветре твой голос.

Не сказку я слушаю – былль,
С позором объявленный дембель.
Вернусь, как ненужная пыль,
В твой дом на старинную мебель.

Нажил и врачую один
Болезни и тела, и сердца.
Пусть даже приму аспирин,
От шрамов, увы, не раздеться.

Под тяжестью сторбленных плеч
Сугулится дух мой страдальцем,
Хочу в тишине твоей лечь,
Быть стертым настойчиво пальцем.

Отправь на последний покой
Ту память, что кружится искрой.
Смахни меня лёгкой рукой
И стань за двоих за нас чистой.

Ступаю не глядя, уже поневоле.

Пейзаж неизменен под грифелем лет.
И сладко, и горько жить окнами в поле,
Где ветер в лицо, только воздуха нет.

Знакомого древа корявые розги
Стегают мой дух по дороге домой.
Не вызрел здесь плод, только червь уже в мозге
Грызет сердцевину и шепчет: «Ты мой».

Мне преданный север вобрал мою верность,
Здесь были мечты и дела на потом.
Мне кажется, если изменится местность,
Мятежный в душе обретет ли свой дом?

Читай у окна все известные мантры,
Смотри, как в домах тихо гасится свет.
Вся тьма без прикрас, без единой гирлянды.
И город, и люди – все сходит на нет.

Дурман в голове, если смотришь под ноги,
И слепит глаза неминуемый лед.
В семи этажах я от скользкой дороги,
Которой что души, что птичий помет.

Холодные звезды от края до края.
Впервые пусть воздух проникнет в окно.
Со мной только ночь первобытная, злая.
Мне вниз или вверх, и не все ли равно?

Треплет куст на столбе афишу.
Вижу кружев твоих узор,
И сияние рампы вижу,
И затмивший сиянье взор.

До полуночи стань мне ближе
Оттого, что здесь Древний Рим,
И спустилась Венера ниже
Белым шлейфом к рукам моим.

Стань родной потому, что слышу
Спетый нежно тобой апрель:
Первый дождь, разбудивший крышу,
И воскресшую птичью трель.

Снова странное вспомню детство
И над книгами тихий плачь,
Где Французское королевство
И на Гревской стоит палач.

Стань родной потому, что знаю,
Как сжигали таких, как мы,
Поклонявшихся тьме и маю,
Рвущих травы среди зимы.

Стань родной мне за то, что в хоре
Слов и звуков мой слух остёр.
Стань мне ближе затем, что в горе
Слёз никто мне рукой не стёр.

Что за праздник сегодня – не знаю,
Но в числе приглашенных давно.
И готовился долго к свиданью
Арлекин, покоровший окно.

Пролетел он столетья и версты
И вернулся на прежнюю ось.
Опадают бумажные звезды.
Загадала желанье. Сбылось.

И пришло моё время умчаться,
Не гася равнодушных лампад.
Он вращался и будет вращаться,
Повторяя слова невпопад.

Зима не время года – время века.
Пустыня запорошенных идей.
Пусть сердце обросло бронёй из меха,
Но в ней душа продрогла до костей.

История для лесты и декора
Продолжит свой стремительный отсчёт,
И, овладев искусством живодёра,
Из шкуры сердца чучело сошьёт.